

Нулевые ТЕКСТЫ

Предисловие

В моей жизни было детство.
В этом детстве я писал стихи.
Ходил в поэтическую студию.
Каждую пятницу во Дворец пионеров на улице Фадеева
в 17:00 собирались дети.
И читали свои стихи друг другу.
Но главное — руководительнице студии Ольге Ивановне
Татариновой.
Ольге Ивановне я всегда был и буду благодарен.
Она любила того меня.
Не будущее во мне она любила, но настоящее.
Она ценила того меня так, как не ценил я сам.
Того, кого я, окончив школу бросил, как бросают собаку.
Просто вывез куда-то, высадил из машины и уехал.
А он смотрел, как я уезжаю. Почти не сопротивлялся.
А я рос.
Бросил писать.
Получил образование.
Знакомился с людьми.
Зарабатывал.

Я мечтаю вернуть.
Не счастье детства, нет.
Того, который боялся людей. Стеснялся. Стыдился. Робел.
Того, кто думал о Вселенной и читал книги.
Того, кто не умел общаться и манипулировать.
Для кого вся жизнь и весь мир сосредотачивались
в тетради.
Кто, идя по улицам, в гости, в школу, складывал слова
в строки.
И в этом чувствовал радость, и смысл, и наслаждение.

Я бросил его.
И не оглядывался.
А он смотрит на меня.

он, а не Он

Смотрит на то, чем я стал.
Радуется.
Что я жив. Что любим. Что здоров. Что родители со мной.

* * *

Ночью поры, словны тысячи, мириады паровозных
клапанов,
выпускали пот-пот-пот.
Но все позади. Мочевой пузырь покрыт утренней росой.
Разлипаются, потягиваются кишки-кастраты.
Они так похожи на длинное горло оперной певички.
Ах, сердце, — мой маленький дегенерат,
Почти сиреневый от крови.
И во всем моем морщинистом теле стоит треск,
словно прачка
Расправляет ссохшееся от сушки белье.

Мама с папой тихонько уходят из дома.
Есть в гниении сладкое чувство истомы.
Ты качаешься в кресле-качалке
В ритм этой чудесной считалке.
Сосульки в деснах пустых прорастут.
Мукам многим горло они перегрызут.
Пламя в камине похоже на крик.
Мускулистым станет нежный язык.
Веки отлипают от глаз подобно лепесткам
распускающегося бутона.

Словно в огонь опускают поленца,
В купель окунают тело младенца.
Там пропитается, словно губка,
Станет тяжелым и влажным.
Высохнув, превратится в грязный морщинистый трупка.
Жопа будет похож на грецкий скорлупка.
А тело — тертая для подтирки бумажка.

Жизнь протекла как пакет молока.
Не волнуйся. Пес вылизжет с пола лужу
Мертвые и Бог глядят на тебя свысока.
Мертвые ржут. Бог испытывает ужас.

Но пока ты молод, пока ты бодр,
Не думай, парень, про смертный одор!
Занимайся спортом, еби девчонок,
Пока хватает в тебе силенок!

Из двенадцати девять пробило.
Часам сил не хватило.

На столе как сервиз ты будешь лежать

Твое имя как вымя будут сосать.
На глаза натянута кожа,
И в руках твоих — вожжи.
Только мышцы порою сведет.
Это мама-русалка зовет.

* * *

При падении на асфальт,
Когда голова ударяется о твердое,
Бездуховная улыбка
Появляется на лице.

Наставление мужчине в случае смерти возлюбленной во время родов

Во время схваток,
пока любимая еще жива,
еще орет,
Пой:
“Сквозь мамы скорлупу пробившись
Ребенок явится на свет.
Мужчина в женщину влюбившись
Совсем становится поэт”.
Затем, едва ребенок, словно гной из прыща,
Вылезет из тела мертвой уже возлюбленной,
Сразу проткни кожу его
Ключиком
И три раза поверни.

Она, увидишь, сразу встанет,
Тотчас встанет и пойдет.
На Сатурне и Уране
Пляшет в радости народ.
И будет красивым бутонем алеть Ранка.
И распустится однажды.
Но нюхать цветок этот папе ни-ни!
Нос похотливый, папка, заткни!
Вот в руках твоих, словно вода в ладонях, младенец.
Вот на столе перед тобой опустевшее тело.
Когда-то волшебное тело возлюбленной.
Брюхо ее распорото, будто чемодан,
Раскрытый на таможне для досмотра.
Пар над роженицей клубится, словно Дух Святой.
Дай ее трупине власть воды напиться.
Вынь из десны у ней крючок.
И навсегда подтолкни ее, словно челнок —
Увидишь, поплывет,
Околевшая, как коряга.
И приплывет она в чашу густого леса,
Где из темных вод волоокого болота
Растут деревья снов, распуская кроны, как женщины
волосы,
И, шелестя ими,
Соблазняют идущие мимо волею ветра,
Мужчин-облака.
И огромные лягушки с длинными ресницами
Восседают, словно петербургские львы,
На кувшинках,
Неподвижные и величавые, будто из зеленого мрамора.
Роженица будет лежать,
Будет глядеть вверх, и взгляд ее будет
Подниматься вместе с болотными испарениями
и подобно им.
Туда, в горние дали,

Где живут трудолюбивые ангелы-китайцы.
И болото рассосет ее, как мы рассасываем леденец.
И болото это будет память твоя.

оставшееся тебе Время
просто смотреть
как вспыхивают
вены —
лиловые молнии на белом небе
младенческой кожи.
Как поднимаются Уран и Марс
Нежными сосками на розовом небосклоне.

Как появляется первая роса
На лепестках темных губ.
А если не уснешь,
быть может,
увидишь
Лань первого желания
В зарослях детских ресниц.
И тогда умри от пошлости.

* * *

За окном первая учительница висит на фонарном столбе.
Ее мертвые очи, как срубленные стволы деревьев.
Точнее, то, что от них осталось —
Пни с годовыми кольцами и корнями, вросшими в земля-
ной мозг.
Рядом лежат поваленные стволы.
На сердце у нее сидит дятел, словно гриф.
И ресницы ее шевелятся, подобно ножкам сороконожки.
А я видя ее соскакиваю со стула и пускаюсь в пляс (гопак)
Выкидывая ноги аля Зиг Хайль!
И вдруг поросячий визг боли.

И тогда учительница поднимает свое покойницкое лицо,
точнее даже
Всю голову!!!
У нее должно быть очень сильная мышца шеи —
Да, поднимает, словно рыцарь забрало, и говорит:
Богомолв!
А из меня сочится струйка крови,
Как шерстяная нитка из распускаемого свитера.
Описался от страха.

Так начинается распад.
Случайно, глупо, невпопад.
Вдруг зацепился за крючок
И к смерти испытал толчок.

Богомолв!
И атомы мои, словно вечерняя мошкара, собравшаяся в кучу,
И вдруг напуганная
Разлетаются в разные стороны,
Чтобы
Привлеченные каким-то невидимым светом,
Соединиться вновь.

* * *

Пустые гулкие улицы снов.
Я огибаю угол, силюсь догнать,
А шаги уже слышатся за следующим углом.
Но я еще помню:
Твое тело, как прелое сено.
В нем валялись многие, и твоё тепло смешалось
с их теплом.
Во тьме я забираюсь в дупло у тебя на груди
и сворачиваюсь комочком.

* * *

1.

Вам, должно быть, знакомо это чувство: когда
Плывешь в синем море,
Не стоит думать о бездне под собою.
Иначе встретишь молчащую рыбу ХРСТА
С омертвевшим, словно аппендикс, языком

2.

Утопая в холодной воде,
Ты вдруг почувствуешь сладкий вкус огня.
И в светлую комнату польются лучи тьмы.
И упадешь на дно,
Уткнувшись головою в мягкий ил.
И застынешь навеки,
Словно каравелла.
Старинная каравелла с прободением кормы.

3.

Утонув,
Глядя на пузыри воздуха, выплывающие изо рта твоего,
Вспомни о мыльных пузырях что пускали мы в детстве.
И прими смерть как принимаешь подарок от мамы
и папы на день рождения.
Когда утром, улыбающиеся, входят они в твою комнату
с тортом и шариками.

4.

“Наш малыш утонул!” — доносятся голоса сквозь
годьводы.

— Мама, мама, что же чувствуешь, когда холодные
ведьгоды сомкнулись над твоей головой?

— Наверное, будто ты в осеннем лесу... Так легко
дышится...

На тебе — теплый свитер и сухие ботинки.

Предместье ада.

— Мама, мама, разве малыши попадают в ад?

— Конечно. В рай попадает лишь тот, кто сумеет проплыть
от того буйка до берега.

— А кто утонул?

— Тому нет оправдания.

Изящный совет

Человека лучше всего бить по голове, когда он зевает.

* * *

Не плачь девчонка
Пройдут дожди
Солдат вернется
Ты только жди
Замкнется вечный
Сансары круг
И вдруг воскреснет
Твой мертвый друг

Красота

Словно пламенеющие угольки в пепле потухшего огня,
Темные вишни в густой листве дерева.

Словно пламенеющие угольки в пепле потухшего огня,
Неперевареная кожура вишни в говне.

* * *

Смех что цокот копыт.
То ли удаляется. То ли наоборот.
Так и смерть.
Непонятна и занятна.

* * *

Как лапы
расползается смысл.
Как ластик
стирается тело.
Как в говно
Вступаешь в старость.
и Как
Множится как рак.

* * *

Александр Павлович умер 17 мая 1997 года.
Сердце, словно колесо, замедляло свой ход несколько
десятилетий.
Наконец остановилось.
Двинулось в обратную сторону. Замерло.